

удач советской поэзии. Поэму ставили в один ряд с «Думой про Опанаса» Э. Багрицкого, «Спекторским» Б. Пастернака, «Уялаевщиной» И. Сельвинского.

Др. крупнейшим достижением К. стала поэма «**Моя Африка**», написанная в 1934 вслед за «Трипольем» и напечатанная в 1935. В основе — рассказ знакомого ленинградского художника о семи неграх, сражавшихся в Гражданскую войну с белогвардейцами. К. переводит весь план поэмы в сказочно-фантастическую плоскость. Вся цветовая гамма исключительно интенсивна по своим слепящим краскам, это объясняется еще и тем, что события передаются в виде лихорадочного бреда художника, свалившегося в тифу. И вот уже не сенеальцы среди русских красноармейцев, сражающиеся за общую победу трудящихся всей земли, а усталый красноармейский отряд посреди жгучей пустыни и — спаситель отряда: на белом коне под малиновой попной черной негр, он же красный полковник. И все погибавшие в пустыне спасены, и ослепительное солнце сверкает посреди тропической радостной радуги. Такого мажора и многоцветия, такого упоения самой идеей солидарности и интернационализма в советской поэзии до «Моей Африки» К. еще не было. Высочайшую оценку поэме дал Ромен Роллан в статье «Европейский дух»: он привел эту поэму как еще один довод в дискуссии о будущем интернационализме трудящихся планеты.

Поэма открыла и самого К. Он был полон новыми замыслами. Однако три его новые поэмы — «**Последний день Кирова**», «**Начала земли**» и «**Самсон**» — оказались вымученными и декларативными. Неудача, по-видимому, сразила К. Устроитель дебошей и кутежей, хулиганских выходов и диких попок, он стал притчей во языцех. «Есенинщина», в которой его когда-то, и часто без веских причин, упрекали, проявилась у него в 1936 в самой резкой и неприглядной форме. Поэтический дар отступал от него. И только в самый последний год жизни, словно живая родниковая вода, пробившаяся сквозь муть душевной низины, пробилась к нему едва ли не позабытая, но с детства все же, видно, сохранившаяся пушкинская нота. Его жизненный закат, о быстроте которого он все же не подозревал, был согрет обращением к Пушкину, и цикл замечательных стихов о великом поэте успел все же появиться в янв. 1937 в ж. «Лит. современник».

В 1938 К. исчез в бесчисленных котлованах ГУЛАГа.

К. принадлежал к достаточно многочисленной в 1920–30-е плеяде поэтов-романти-

ков. Его учителями из современников были А. Прокофьев, Н. Тихонов, Э. Багрицкий, а из классиков — Лермонтов. Будучи тесно связанным с романтической школой, он, по мнению иных критиков, подчас как бы растворялся в ней. Исследователь его творчества и автор статьи к одному тому же, вышедшему в 1966 в Б-ке поэта (Б. серия), Л. Аннинский полагает, что иные из собратьев поэта, заряженные большей эмоциональной силой и, главное, целеустремленностью, постоянно заслоняли его, например Э. Багрицкий или П. Васильев. Это несправедливо, поскольку даже в тех случаях, когда разрабатывались общие темы, голос К. никогда не сходил со свойственного ему чисто лирического регистра. Он оставался песенником-романтиком и в своих крупных вещах.

Соч.: Все мои приятели: Стихотворения 1930–1931. Л., 1931; Как от меда у медведя зубы начали болеть. М., 1935; Стихотворения и поэмы / предисл. О. Берггольц. М., 1963; Стихотворения и поэмы / вступ. статья Л. Аннинского. Л., 1966. (Б-ка поэта. Б. серия); Продолжение жизни: Стихотворения и поэмы / предисл. О. Берггольц. М., 1972; Поэмы. Горький, 1984.

Лит.: Цурикова Г. Борис Корнилов: Очерк творчества. Л., 1963; Заманский Л. Борис Корнилов. М., 1975; Поздняев К. Продолжение жизни: Книга о Б. Корнилове. М., 1978.

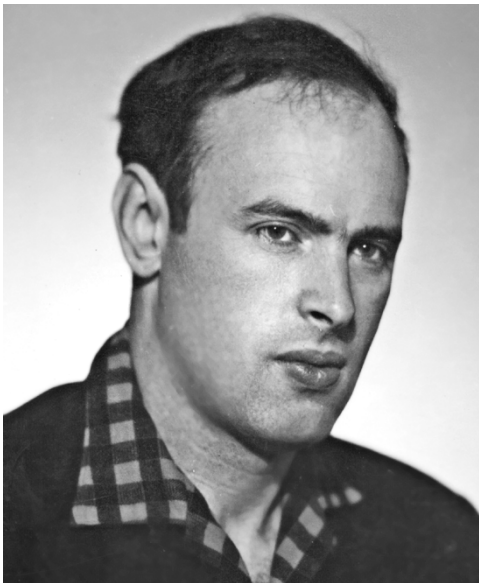
А. И. Павловский

КОРНИЛОВ Владимир Николаевич [29.6.1928, Днепрпетровск — 8.1.2002, Москва] — поэт, прозаик, лит. критик.

Родился в семье инженеров-строителей, в начале Великой Отечественной войны был эвакуирован в Новокузнецк, откуда в 1943 приехал в Москву. В 1945–50 учился в Лит. ин-те, из которого трижды исключался за прогулы и «идейно порочные стихи». В 1950–54 служил в армии. Поэтический дебют — в 1953. В знаменитом сб. «Тарусские страницы» (1961) опубликовал поэму «**Шофер**», которую, однако, ни в одну из своих книг не включил. Подготовленные к печати первые сб. стихов «**Повестка из военкомата**» и «**Начала**» были рассыпаны цензурой в верстке. В конце хрущевской «оттепели» выходят сб. стихов «**Пристань**» (1964) и «**Возраст**» (1967), но большинство его стихов и поэма «**Заполночь**» распространяются в списках, через самиздат. Первая повесть К. «**Без рук, без ног**» (1965), будучи отвергнутой в ж. «Новый мир», была напечатана в 1974–75 в «забугорном» ж. «Континент» и переведена на ряд иностр. яз. Вторая повесть К. «**Девоч-**

ки и дамочки» (1968), принятая «Новым миром» к печати, но запрещенная цензурой, была опубликована также на Западе, в ж. «Грани», и переведена на английский и немецкий яз. Роман **«Демобилизация»** (1971) был на русском яз. опубликован на Западе в 1976, на немецком — в 1982, а в России — в 1990. В 1977 К. был исключен из СП СССР за письмо «главам государств и правительств» с просьбой защитить академика А. Сахарова, подписанное им вместе с Л. Чуковской, Л. Копелевым и В. Войновичем. Снова в СССР К. начинает много печататься в годы перестройки. В 1988, после длительного перерыва, выходят его сб. стихов **«Музыка для себя»** (Б-ка «Огонек». № 48) и **«Надежда»** (М.: Советский писатель), а в 1991 первое **«Избранное: Стихотворения и поэмы»** (М.: Советский писатель).

Все увиденное и пережитое во второй половине XX в., начиная с периода Великой Отечественной войны и до конца своей жизни, К. изобразил в своей поэзии и прозе как совр. историю, взятую им в ее будничных, повседневных, индивидуально-личных частных проявлениях. Эта совр. история тяжела, сурова и трагична, она отражена как в трудной, полной испытаний и лишений жизни самого автора, так и в судьбах его повествовательных героев, которые изображаются реалистически достоверно и просто психологически точно, с подробностями в описаниях житейских обстоятельств. Сюжетные произведения К., поэтические и прозаические (повесть «Де-

В. Н. Корнилов

вочки и дамочки», роман «Демобилизация», поэмы «Заполночь», **«Пасха 61-го года»**, большинство повествовательных стих.), прямо связаны с изображением конкретных исторических событий; в лирике время отражено в чувствах и переживаниях самого поэта, а также в его восприятии окружающего мира. К. чувствует время даже в природе (чернобыльский дождь в стих. **«Дождь»**, 1986), чувство живой истории, связи современности со Средневековьем в стих. **«Яблоки»** (1986) — о «бесхозных дичках и наливах» из сада Борисоглебского монастыря, и тем более в устаревшем слове «дама» (стих. **«Прежнее слово»**), в звуках военного оркестра (стих. **«Военный оркестр»**), в голосе гитары, напоминающем о времени, когда «Был этот голос словно судьба, / Словно бы откровенье, / Нас он жалел и жалел себя, / А заодно и время», в прямоте, правдивости и открытости речи (стих. **«Словно промыли / Время дожди...»**, 1987) и т. д.

В лирических стихах К. рассказывает о своих переживаниях и впечатлениях, о своем отношении к людям, к природе и текущим событиям, но при этом он не акцентирует внимания на собственной персоне, а показывает свою жизнь в общем потоке совр. ему жизни, в связи с судьбами своих современников. Конечно, автор в этом потоке не растворяется; он выделяется своим неповторимым, индивидуально-личностным восприятием мира. Главное, к чему стремится К., это сохранение своей личности, своего человеческого достоинства и внутренней независимости в условиях обезличивающего тоталитарного режима. Наиболее подробно и драматично об этом, используя свой личный опыт службы в армии незадолго до смерти Сталина, К. рассказал в поэме «Заполночь» (1958–60). О трагических событиях времен хрущевской оттепели, произошедших в глубине России, в районном городишке, и связанных с ломкой тоталитарного сознания людей, К. рассказал в поэме «Пасха 61-го года» (1962–63). Описание убийства одного из героев этой поэмы оказалось слишком растянутым, переполненным не всегда худож. оправданными, иногда невразумительными подробностями житейских обстоятельств, из которых рождается трагическая коллизия произведения.

Более лаконично и выразительно тема внутреннего сопротивления человека тоталитарному режиму раскрывается в лирике К. В стих. **«Достается, наверно, непросто»** (1966) он говорит: «Это высшее в мире геройство / Быть собой и остаться собой. / Устоять средь потока и ветра, / Не рыдать, что

скисают друзья, / И не славить, где ругань за-
претна, / Не ругать там, где славить нельзя». И в повседневной истории К. близки независи-
мые люди, способные противостоять своей
особостью, резкой непохожестью на других
мощной силе обезличивающего коллективиз-
ма, столь характерного для тоталитарных ре-
жимов XX в. В стих. «**Большие батальоны**»
(1988), с эпиграфом из Вольтера: «Бог на сто-
роне больших батальонов», К. писал о слепой
силе безличных масс: «Хоть сила немудрена, /
За нею власть и право. / Большие батальоны /
Всевышнему по нраву, / И обретает имя / В их
грохоте эпоха, / И хорошо быть с ними, /
А против них быть плохо. / Но всю любовь
и веру / Все ж отдал я не богу, / А только офи-
церу, / Который шел не в ногу».

В постсоветское время, когда религиоз-
ная вера стала возрождаться и даже стала
модой, К. неоднократно подчеркивал в стать-
ях и стихах, что он остается атеистом, что он
верит не в Бога и Христа, а в человека, в его
трудолюбивые, созидательные возможности, в его
собственные творческие силы, способные из-
менить жизнь к лучшему без упования на бо-
жественную помощь.

С чувством надежды на изменение жизни
к лучшему встретил К. перестройку; сб. сти-
хов, вышедший в 1988, так и назван: «**На-
дежда**». В стих. «**26 апреля**» (1986) он за-
являет: «Я надеюсь на гласность, / На нее на
одну». Однако к свободе, которая пришла
с перестройкой, подавляющее большинство
советских людей, воспитанных тоталитарным
режимом, оказалось неподготовленным: раб-
ская психология была так глубока, что ее не-
возможно было в короткое время изжить.
В стих. «**Свобода**» (1987) К. сам призна-
вался, имея в виду свободу: «Да она несвобо-
ды / Тяжелее куда. / Я ведь ждал ее тоже /
Столько долгих годов, / Ждал до боли,
до дрожи, / А пришла — не готов».

Строго реалистическое худож. мировос-
приятие и стиль К. больше всего связаны
с традициями, которые принято называть не-
красовскими. Н. А. Некрасов одним из пер-
вых в русской лит-ре ввел в поэзию суровую
и неприглядную прозу повседневной, буд-
ничной жизни. По признанию самого К.,
в детстве его «первым любимым поэтом был
Некрасов», но затем, после знакомства с по-
эзией Есенина, «Некрасов разонравился на-
всегда» (Книжное обозрение. 1991. 30 авг.
С. 8; о том же в стих. «**Два поэта**»). Однако
позднее К. заметил: «Из классиков, кроме
Пушкина и Лермонтова, больше всех любил
Державина. А вообще люблю и сегодня поч-
ти всех поэтов, которых любил смолodu. Вот

только Некрасова, к которому после Есенина
надолго охладел, начинаю вновь перечиты-
вать. А к Державину с его высоким косноязы-
чием и колокольным гулом стиха никогда не
охладевал». (Лит. газ. 1997. 19 марта).
Из этих признаний К. следует, что его детская
любовь к Некрасову, совпавшая с писанием
первых стихов, оказала все-таки глубокое
воздействие на буднично-прозаический ха-
рактер и суровый реализм его поэзии. О том,
что она не прошла бесследно, свидетельствует
и возвращение поэта к перечитыванию Не-
красова в зрелую пору.

На формирование интереса К. к прозе
жизни и на разговорный характер языка его
произведений заметное влияние оказали
прозаики и поэты фронтового поколения:
В. Некрасов, Г. Бакланов, Д. Самойлов и осо-
бенно Б. Слуцкий, которому он посвятил
стих. «**Апрель 45-го года**» и «**Слуцкий**»,
поэму «**Плач по Слуцкому**» и заключи-
тельную главу книги «**Пока над стихами
плачут...**» (1997).

Соч.: Пристань. М., 1964; Возраст. М., 1967; Надеж-
да. М., 1988; Музыка для себя. М., 1988; Польза впечат-
лений. М., 1989; Девочки и дамочки: повесть // Это мы,
Господи: сб. М., 1990; Демобилизация: роман // Звезда.
1990. № 7, 9–10; Избранное. М., 1991; Стихотворе-
ния. М., 1995; Покуда над стихами плачут...: Книга о рус-
ской лирике. М., 1997; Суeta суeta. М., 1999; Перемены:
Стихи и короткая поэма. 1999–2000. М., 2001.

Лит.: Паперный З. Необычайность простоты: Стихи
В. Корнилова // Труд. 1964. 23 дек.; Бабеныше-
ва С. Суть простоты [Вл. Корнилов. Пристань. М., 1964] //
Знамя. 1965. № 1; Гейдеко В. Пристань // Лит. Россия.
1965. 3 дек.; Киреева А. [Рец. на сб. К. «Пристань»] //
Юность. 1966. № 2; Иверни В. Попытка времени: Про-
за Владимира Корнилова // Континент. 1976. № 9;
Красухин Г. Достоинство обдуманных речей... [Рец.
на книгу К. «Возраст»] // Лит. газ. 1967. 5 дек.; Леснев-
ский С. В союзе с правдой и мечтой // Лит. газ. 1987.
24 июня; Иванова Н. Судьба // Лит. обозрение. 1987.
№ 10; Аннинский Л. Пред волею и бедой // Новый
мир. 1988. № 2; Рассадин Ст. Пленник времени // Зна-
мя. 1989. № 5; Медведев Ф. И наверх за окоянные
года // Книжное обозрение. 1989. 30 июня; Дед-
ков И. Осенней порой 41-го года: [Рец. на повесть «Де-
вочки и дамочки»] // Новый мир. 1991. № 7; Аннин-
ский Л. Инга, Санюра и Лия // Лит. газ. 1991. 14 авг.;
Красухин Г. [Рец. на «Избранное». М., 1991] // Лит.
газ. 1991. 25 дек.; Турков А. В защиту поэзии и поэтов
[О книге К. «Покуда над стихами плачут...»] // Дружба
народов. 1999. № 4; Марченко А. В самом центре су-
ществования [О книге К. «Перемены: Стихи и короткая
поэма. 1999–2000». М., 2001] // Новый мир, 2002.
№ 2. С. 167–170.

М. Ф. Пьяных